

«ТРЕТИЙ СОСЕД» МОНГОЛИИ КАК ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

*Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-27-03001
«Внешние факторы политического процесса в современной Монголии».*

Исследуется роль концепта «третий сосед» во внешнеполитической стратегии современной Монголии. Анализ наиболее значимых документов, а также официальных речей, имеющих отношение к внешней политике Монголии, показывает, что в основе данного концепта лежит политико-идеологический смысл, основанный на «общности демократических ценностей». В связи с этим главными внерегиональными партнерами Монголии являются страны Запада и его союзники, активно конкурирующие за влияние в регионе с Россией и Китаем.

Ключевые слова: Монголия; Россия; Китай; США; внешняя политика; «третий сосед».

Современная Монголия – это страна, территориально расположенная между двумя великими державами – Россией и Китаем. Именно с Москвой и Пекином Улан-Батор выстраивает стратегические отношения, рассматривая их в качестве своих самых значимых политических и торгово-экономических партнеров. В то же время монгольское руководство, не желая увязывать свою политику исключительно с двумя географическими соседями, стремится диверсифицировать внешние связи, развивая отношения с иными государствами мира.

В отличие от отношений с Россией и Китаем, насчитывающих столетия, взаимодействие Монголии с внерегиональными странами можно признать относительно недавним явлением. Только в послевоенный период МНР сумела добиться значительных успехов в деле расширения внешних связей и международного признания. Первыми государствами, помимо СССР и Китайской республики, официально признавшими Монгольское государство, стали страны социалистического блока – Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания, Югославия, КНДР. В 1949 г. подтвердили признание независимости Монголии пришедшие к власти в Китае коммунисты. В 1960-е гг. МНР устанавливает дипломатические связи со странами Западной Европы – Великобританией, Францией, Грецией, Австрией, Норвегией, Данией, Финляндией, а также с азиатскими государствами некоммунистической ориентации – Индией, Ираном, Египтом, Алжиром. В 1972 г. были установлены официальные отношения между Улан-Батором и Токио. Наконец, в 1987 г., в период монгольской «перестройки», состоялось взаимное признание Улан-Батора и Вашингтона [1. С. 256–257].

Таким образом, к концу 1980-х гг. МНР поддерживала дипломатические отношения с 83 странами мира, состояла в таких международных организациях как ООН, СЭВ, Движение неприсоединения и ряд других. Однако, несмотря на формально разветвленные международные связи, основной вес внешних контактов МНР приходился на СССР и его восточно-европейских союзников. В 1990 г. свыше 90% всей монгольской внешней торговли приходилось на страны – члены СЭВ [Там же. С. 372]. Связи со странами, не входившими в социалистический блок, оставались крайне незначительными.

С распадом Советского Союза и стремительным сокращением интенсивности российско-монгольских взаимоотношений в начале 1990-х гг., для Монголии исчезли прежние гарантии со стороны Москвы в области военной и экономической безопасности. Одновременно с этим основным источником потенциальных вызовов и угроз для страны воспринимался Китай, который, как считали многие в Монголии, способен экономически (а потенциально, и политически) поглотить Монголию [2. С. 7]. В сложившейся ситуации Улан-Батор, провозгласив стратегию «многоопорной» (монг. «олон тулгуурт») внешней политики, сделал акцент на увеличение контактов с внерегиональными государствами [3].

В рамках данной стратегии центральное место заняло понятие «третий сосед» (монг. «гуравдагч хөрш») [4], появившееся в монгольском общественно-политическом дискурсе в начале 1990-х гг. Во время своего визита в Улан-Батор в июле 1991 г. американский госсекретарь Дж. Бейкер назвал США «третьим соседом Монголии, на которого она может полностью полагаться» [5. С. 166–168]. Вскоре в это понятие стали включать множество стран. Наиболее часто называемыми «третьими соседями» Монголии являются США, Япония, Республика Корея, страны-члены ЕС, Канада, Австралия, Турция, Индия. В связи с этим можно заключить, что «третий сосед» подразумевает не одну конкретную страну, а целую группу стран, имеющих тесные связи с Монголией.

В связи с этим возникает вопрос о том, по каким критериям та или иная страна может быть отнесена к «третьему соседу» Монголии. По мнению монгольского эксперта Д. Уламбаяра, стратегия «третьего соседа» носит геополитический характер и основана на принципе баланса сил между двумя географическими соседями Монголии и ее внерегиональными партнерами [6. С. 48]. Согласно данной логике, «третьими соседями» Монголии могут быть названы все без исключения страны, не имеющие с ней общих границ и в то же время способные уравновесить российское и китайское влияние. Однако, как показывает практика, далеко не все внешнеполитические партнеры, с которыми Монголия развивает отношения, называются «третьим соседом». Например, такие страны, как Казахстан, Иран, КНДР, с руководством которых Улан-Батор поддерживает довольно интен-

сивные контакты, никогда не обозначались в качестве «третьего соседа».

В обновленной в 2010 г. Концепции национальной безопасности Монголии в качестве приоритета называется «развитие стратегии “третьего соседа”, двустороннего и многостороннего сотрудничества с высоко развитыми демократиями в политической, экономической, культурной и гуманитарной сферах» [7]. В 2011 г. в новой редакции Концепции внешней политики Монголии также было упомянуто о «третьем соседе»: «Развитие стратегии “третьего соседа”, партнерские отношения и сотрудничество со странами Запада и Востока и объединениями, такими как США, Япония, Европейский союз, Индия, Республика Корея, Турция, будет приоритетом» [8]. Иными словами, в понятие «третий сосед» включаются не все внерегиональные страны, с которыми Улан-Батор поддерживает отношения, а только страны Запада и его союзники, традиционно маркированные как члены мирового демократического сообщества. В этой связи в политических взаимоотношениях Монголии с внерегиональными государствами идеологический фактор с самого начала играл значимую роль, а само понятие «третий сосед» приобрело статус идейно-политического концепта.

Подобная смысловая нагрузка концепта «третий сосед» обусловлена рядом важных факторов экономического и общественно-политического характера.

К 1991 г. монгольская экономика оказалась в состоянии коллапса, что напрямую отразилось на социальном самочувствии населения. По признанию академика Т. Намжима, население Монголии в этот период столкнулось с проблемой нехватки продовольствия [9. С. 83–84]. В этих суровых условиях обращение Улан-Батора за помощью к различным международным организациям и экономически развитым государствам стало практически единственно возможным выходом из сложившейся ситуации. В свою очередь провозглашение Монголией курса на построение демократического общества выполняло функцию «рекламного проекта», при помощи которого можно было привлечь финансовые средства в форме льготных кредитов и безвозмездной помощи со стороны западных демократий. Как отмечают Г. Стейнер-Хамси и И. Столле, «монгольские власти периодически использовали децентрализацию системы управления в качестве флага для привлечения внешнего финансирования» [10. С. 29]. По мнению Э.Д. Дагбаева, «монгольская многопартийность – это дань требованию Запада» [11. С. 273]. В этой связи провозглашенная многоопорная внешняя политика Монголии виделась составляющей демократических изменений в стране [12. С. 6].

США, Япония, страны Западной Европы со своей стороны, желая поддержать «зарождающуюся демократию в центре Азии», откликнулись на монгольский призыв и начали оказывать Монголии материально-техническую помощь. 12 марта 1991 г. обе палаты Конгресса США приняли резолюцию, в которой американская сторона обязывалась оказать максимальное содействие преобразованиям в Монголии [13. С. 115]. Вашингтон поддержал Монголию при ее вступлении

в международные торгово-экономические и финансовые организации. В феврале 1991 г. Монголия стала членом МВФ и ВБ, в январе 1997 г. вступила в ВТО. Япония выступила инициатором движения стран-доноров в поддержку демократических преобразований в Монголии и перехода ее к рыночной экономике. 5–6 сентября 1991 г. японское правительство организовало Международное совещание с участием 7 стран и 3 международных организаций с целью оказания донорской помощи Монголии [13. С. 125]. Только в период с 1993 по 1997 г. японская помощь составила в сумме 507 млн долл. [14. С. 203]. Согласно оценке М. Россаби, на долю Японии в период с 1991 по 1996 г. пришлось 65,6% от всей иностранной помощи [15. С. 215]. В общей сложности западные и японские доноры по состоянию на конец 1992 г. предоставили финансовую помощь Монголии на общую сумму 168 млн долл., что равнялось 11% от ВВП страны [16. С. 344]. Финансовая помощь международных доноров и кредиторов в 2000 г. уже равнялась 17,5% от ВВП страны [17. С. 39].

Спустя годы, когда Монголия сумела преодолеть трудности переходного периода и стабилизировать экономику, у нее по-прежнему осталась крайне высокая степень зависимости от внешних источников, выраженных в иностранных финансовых дотациях, кредитах и инвестициях. А это, в свою очередь, имеет прямое отношение к демократическому имиджу страны. В ходе рабочего визита в США в 1993 г. премьер-министр Монголии П. Жасрай подчеркнул, что «демократия в Монголии укоренилась... и страна надеется быть для США надежным инвестиционным и торговым партнером» [18. С. 45]. Президент Ассоциации финансового рынка Монголии О. Ганзориг отметил, что Монголия «сможет привлечь иностранные инвестиции только тогда, когда сможет доказать им, что она является демократической страной» [19. С. 4]. В 2013 г. в ходе работы Мирового экономического форума в Давосе в рамках мини-конференции «Стратегический диалог по поводу развития Монголии» монгольский министр иностранных дел Л. Болд заявил о «важности поддержания имиджа Монголии в качестве открытой и демократической страны с точки зрения привлечения инвестиций» [20].

На экономическое развитие Монголии опосредованное влияние оказывают ее оценки в различных рейтингах демократий. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные неправительственные организации (НПО). Положительные оценки, даваемые монгольской демократии этими НПО, предоставляют возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны, что, в свою очередь, способно повлечь за собой экономические выгоды – новые льготные кредиты и финансовую помощь западных стран, улучшение инвестиционного климата. Например, в 2014 г. спикер парламента З. Энхболд в своей речи на открытии осенней сессии Великого государственного хурала (ВГХ) отдельно отметил достижения Монголии в сфере борьбы с коррупцией, увязав их с оценками международной организации «Transparency International». По его словам, вследствие государственной политики и дея-

тельности по борьбе с коррупцией Монголия поднялась со 124-го на 84-е место в рейтинге восприятия коррупции, составляемом данной организацией [21. С. 3]. Тем самым ситуация в сфере антикоррупционной политики Монголии напрямую увязывается с внешними оценками аффилированных с Западом организаций.

Тема «общности демократических ценностей» неизменно подается «в одном пакете» с вопросами торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Монголией и западными странами. Так, в ходе беседы монгольского президента Ц. Элбэгдоржа и президента США Б. Обамы (в рамках официального визита монгольского президента в США в июне 2011 г.) сторонами были отмечены «значимость защиты и развития демократии, прав и свободы человека, являющиеся общими интересами двух стран... а также важность интенсификации торгово-экономического сотрудничества» [22]. Американский посол в Монголии П. Кемпбелл, используя демократическую риторику, откровенно лоббирует экономические интересы американских компаний в Монголии: «Когда тендерный отбор будут проводить открыто, гласно и справедливо (в Монголии – прим. авт.), крупные американские компании смогут предложить свои цены и технологии, опираясь на свои сильные стороны. Например, такие, как компания «Пибоди», которая хотела бы принять участие в проекте по разработке Тавантолгой» [23]. Президент американской государственной корпорации «Фонд испытаний тысячелетия» Д. Хайд во время встречи с монгольскими официальными лицами подчеркнула прямую связь между решением предоставить финансовую помощь Монголии и укреплением в этой стране демократического правления [24].

Помимо американских политиков, к демократическому дискурсу в отношениях с Монголией прибегают и представители других стран. Премьер-министр Индии Н. Моди в ходе официального визита в Монголию в мае 2015 г. подчеркнул, что «наши страны объединяют такие ценности, как демократия, права человека, главенствование закона» [25. С. 5]. В совместном заявлении, сделанном в феврале 2015 г. японским премьер-министром С. Абэ и главой монгольского правительства Ч. Сайханбилэгом, первым пунктом было сказано, что «идея “Свобода и демократия, мир, взаимопомощь” является основой ценностью дружественных отношений между Монголией и Японией» [26].

Идеологический фактор используется в том числе для того, чтобы оказать влияние на отношения Монголии с ее географическими соседями. Рассуждая о демократии в Монголии, западные и некоторые монгольские политики и эксперты указывают на ее принципиальные отличия от России и Китая. При этом статус демократической страны, по замыслу авторов подобных заявлений, должен выступать безусловным преимуществом Монголии в сравнении с Россией и Китаем. Характерными в этом плане являются слова монгольского политика, депутата ВГХ М. Батчимэг о том, что «на карте мира, составленной организацией «Freedom House», Монголия выглядит как одинокий

зеленый остров посреди широкого океана... недемократических стран» [27. С. 54]. Не менее показательна фраза научного сотрудника Университета Эмори Б. Кнауфта, утверждающего, что «Монголия является собой позитивный пример страны, которая успешно развивается, даже будучи окруженной авторитарными и агрессивными сверхдержавами» [28. С. 8].

Современные образы соседей Монголии в интерпретации авторов из ряда внерегиональных держав, как правило, рисуются в негативном цвете, изображаются в качестве главных внешних вызовов и даже угроз по отношению к Монголии, ее независимости и безопасности, а также демократическому развитию. По мнению индийского исследователя Ш. Сони, «Китай не желает, чтобы Монголия усиливала свою демократическую идентичность» [29. С. 40]. Ш. Сони напрямую увязывает демократию и монгольскую независимость, указывая на два основных показателя демократии в Монголии – многопартийные выборы и независимую политическую идентичность [Там же. С. 43]. Американский политолог М. Фиш, подчеркивая уникальность демократической Монголии, указывает на ее «окружение со всех сторон авторитарными режимами» [30. С. 323]. Японский журналист О. Хироки сравнивает отношения Монголии с Россией и Китаем как ситуацию между Сциллой и Харибдой [31].

Экспертное сообщество, оценивая политическое развитие Монголии, также сравнивает ее с соседними постсоветскими республиками Центральной Азии. Ш. Сони пишет о монгольском опыте демократизации как «об относительно мирном транзите... контрастирующем на фоне бывших советских республик Центральной Азии». Это дает ему основание признать Монголию «единственной постсоциалистической демократией в Азии» [29. С. 31]. Сотрудник американского фонда «Наследие» (Heritage Foundation) Д. Ткачик назвал Монголию «рекламной вывеской демократии в Евразии... резко контрастирующей с остальной постсоветской Центральной Азией, где президентские формы правления привели к установлению сильной единоличной диктатуры» [32].

Давая негативную оценку российско-монгольским и монголо-китайским отношениям, западные эксперты выдвигают в качестве «позитивной альтернативы» политику «третьего соседа». Бывший сотрудник Госдепартамента США, член Атлантического совета Дж. Метлз в интервью монгольскому журналисту выразил позицию о том, что «для Монголии сближение и с Китаем, и с Россией всегда было негативным... есть страны, заинтересованные в партнерстве с Монголией на уровне “третьего соседа”, например, Япония. Поэтому Монголии следует уделять больше внимания своей внешней политике “третьего соседа”» [33]. Официальные представители США, демонизируя соседей Монголии, пытаются оказывать влияние не ее внешнеполитическую стратегию. Отвечая на вопрос монгольского журналиста о перспективах членства Монголии в ШОС, посол США в Улан-Баторе П. Кемпбелл заявила, что «самый первый вопрос, который должна задать себе любая страна при решении членства в любой международной организации, насколько принципы этой организации соответствуют

ценностям и идеалам самой страны. При негативном результате страна рискует потерять свой авторитет на мировой арене. У Монголии пока статус наблюдателя, но предоставят ли члены этой организации Монголии возможность соблюдать самую большую ценность, которой придерживается Монголия: права человека?» [34. С. 2]. Стоит отметить, что данное высказывание прозвучало вскоре после официального визита в Монголию Си Цзиньпина и накануне рабочего визита в эту страну В.В. Путина. Во время визита президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в Нью-Йорк в сентябре 2014 г. с целью выступления на Генеральной Ассамблее ООН со стороны американских властей ему были заданы вопросы, касающиеся сближения Монголии с Россией и Китаем. В частности, президенту намекнули на то, что «возврат к додемократическому

мышлению» может затруднить интеграцию Монголии в мировую экономику через политику «третьего соседа» [35].

Что первично в иерархии интересов внерегиональных держав в Монголии – стратегические задачи международно-регионального масштаба или же приверженность идейно-политическим принципам поддержки демократии в мире – вопрос отчасти риторический. Однако, каков бы ни был на него ответ, однозначно можно говорить о наличии серьезного внешнего фактора, выраженного в политике «третьего соседа», который оказывает постоянное влияние на политический процесс в Монголии. Как следствие, в политике на монгольском направлении российское и китайское руководство, преследуя собственные цели, не могут не учитывать фактор «третьего соседа».

ЛИТЕРАТУРА

1. История Монголии. XX век. М. : ИВ РАН, 2007.
2. Цэнгэлт Г. Возможно, в ближайшие 10 лет Китай завоеует Монголию // Ардчилал. 1993. № 17.
3. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии). Официальный сайт правительства Монголии. URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата посещения: 20.03.2017).
4. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии). Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии. URL: <http://www.mfat.gov.mn> (дата посещения: 20.03.2017).
5. Олзвой Х.Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд (Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе») // Олон улсын харилцаа. 2002. № 1. X. 166–168.
6. Ulambayar D. Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Nature and Purpose // World Affairs (Ulaanbaatar). 2015. № 2 (31). P. 47–55.
7. Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (Концепция национальной безопасности Монголии) // Официальный сайт министерства иностранных отношений Монголии. URL: <http://www.mfat.gov.mn> (дата посещения: 20.03.2017).
8. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Официальный сайт правительства Монголии. URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата посещения: 20.03.2017).
9. Namjim T. The Economy of Mongolia: From Traditional Times to the Present. Occasional Papers of the Mongolia Society / ed. by W. Rozycki. Bloomington : The Mongolia Society, Inc., 2000.
10. Steiner-Khamsi Z., Stolpe I. Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum // Comparative Education. 2004. Vol. 40, № 1. P. 29–53.
11. Дагбаев Э.Д. Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2011.
12. Chuluunbaatar G. Problems of the contemporary socio-political transformation in Mongolia. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law, 2009.
13. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М. : ИВ РАН, 2010.
14. Batbayar Ts. Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges // RSIM. 2002. № 17. P. 198–204.
15. Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. Los Angeles ; London : University of California Press, 2005.
16. Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics. 1994. № 18. P. 329–356.
17. World Bank. Mongolia public expenditure and financial management review. Bridging the public expenditure management gap. Washington DC., 2002.
18. Batbayar Ts. Mongolia in 1993: a fragile democracy // Asian Survey. 1994. Vol. 34, № 1. P. 41–45.
19. О. Ганзориг: На объем иностранных инвестиций, кроме правовой среды, огромное влияние имеет общественное мнение // Монголия сегодня. 08.07.2013.
20. Foreign Minister vows to boost cooperation with Davos summit. URL: <http://www.news.mn/r/165653> (дата посещения: 20.03.2017).
21. Осталось менее двух лет, когда народ подведет итоги нашей работы // Монголия сегодня. 02.10.2014.
22. США и Монголия будут сотрудничать в сфере экономики и развития демократии. 17 июня 2011 г. URL: http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/ (дата посещения: 20.03.2017).
23. Интервью с чрезвычайным и полномочным послом США в Монголии госпожой Пайпэр Энн Уинд Кэмбэлл. URL: http://www.mongolnow.com/posol_us.html (дата посещения: 20.03.2017).
24. Л. Пүрэвсүрэн сайд мянганы сорилтын корпорацийн дэд ерөнхийлөгчийг хүлээн авч уулзав (Министр Л. Пүрэвсүрэн принял президента «Фонда испытаний тысячелетия»). URL: <http://www.mfa.gov.mn/?p=27878> (дата посещения: 20.03.2017).
25. Нарендра Модри: Географическое положение Монголии не должно быть ей преградой в свободе выбора партнера // Монголия сегодня. 18.05.2015.
26. Совместное заявление премьер-министров Монголии и Японии. URL: http://news.mongolnow.com/11_02_01.html (дата посещения: 20.03.2017).
27. Batchimeg M. Mongolian Economic Background and Political Destiny // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauff, Richard Tauper. Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. P. 53–60.
28. Bruce M. Knauff. Mongolians before, during, and after Socialism: Analytic Overview and Policy Implications // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauff, Richard Tauper. Ulaanbaatar : Admon Press, 2012. P. 3–17.
29. Soni S. Evaluating Mongolia's Experience of Democratization: The Post Soviet Scenario // The Mongolian Journal of International Affairs. 2013. Vol. 18. Pp. 30–46.
30. Fish S. The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective // Communist and Post-Communist Studies 34. № 3 (September 2001). P. 323–338.
31. Ока Хироки. Новый взгляд на значимость Монголии в стратегии Японии. URL: <http://asiarussia.ru/articles/8344/> (дата посещения: 20.03.2017).
32. Tkacik J.J. Mongolia's Democratic Identity. 21 June 2005. URL: www.heritage.org (дата посещения: 20.03.2017).

33. Жейми Мэтзл: Ардчилалд эргэлзэж эхэлсэн нь Монголд л хохиролтой (Джейми Мэтзл: Для Монголии будет хуже, если она усомнится в демократии). URL: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629> (дата посещения: 20.03.2017).
34. Пайлэр Энн Уинд Кемпбелл: Политика «приоритетного» и «третьего соседа» – признак здоровья // Монголия сегодня. 01.09.2014.
35. Campi A. Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit // *The Asia-Pacific Journal*. 2014. Vol. 12, is. 44, № 1. November 10. URL: <http://apjif.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html> (дата посещения: 20.03.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2017 г.

THE “THIRD NEIGHBOR” AS AN IDEOLOGICAL POLITICAL CONCEPT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 420, 125–130.

DOI: 10.17223/15617793/420/17

Vladimir A. Rodionov, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Irina G. Ayushieva, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: aig1973@mail.ru

Keywords: Mongolia; Russia; China; USA; foreign policy; “third neighbor”.

The main researcher’s attention is focused on the analysis of the substantive content of the concept “third neighbor” used in the foreign policy of the post-socialist Mongolia. Being geographically closed between Russia and China, Mongolia seeks to expand its external partners using the strategy of a “multi-pillar” foreign policy. The central place of the diversification strategy of Mongolia’s foreign relations is the concept of “third neighbor”. Appearing in the early 1990s, the concept “third neighbor” is widely used in most documents on Mongolia’s foreign policy. Content analysis of these documents shows that the concept includes the major powers of the West (USA, Canada, EU countries) and its allies (Japan, South Korea, India, Turkey). As a result, the concept “third neighbor” becomes an ideological and political concept, the essence of which is “common democratic values”. Mongolia, as a country with relatively small foreign policy resources, demonstrates an extremely high degree of dependence on the outside world. First of all, it concerns economic aid and investment. Since the 1990s, it is the collective West that plays the role of one important source of the economic development of Mongolia. This fact has a major impact on the institutional framing of the political regime of Mongolia that accepts the rules of the game of the “third neighbor” in exchange for certain political and economic preferences. The principle of “common values” is an important channel of influence of foreign states on Mongolia. In an effort to develop and deepen the democratization process, the Mongolian leaders one way or another focused on the experience of the leading democracies of the West that are the main expertise and qualification centers for Mongolia. Moreover, positioning itself on the international stage as a developed democracy for Mongolia is a means of ensuring national security, sovereignty, economic development and international prestige. Affecting Mongolia through various political, economic, cultural and educational channels, the “third neighbor” is actively opposed to its immediate neighbors – Russia and China. In the framework of the democratic discourse, the core of the concept “third neighbor”, Russia and China are drawn as the authoritarian and aggressive neighbors of Mongolia, threatening its sovereignty and security. In this regard, in its relations with Mongolia the Russian side needs to take into account extra-regional players capable of damaging Russian interests in Mongolia.

REFERENCES

1. Yaskina, G. (ed.) (2007) *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. The 20th century]. Moscow: IES RAS.
2. Tsengel, G. (1993) Vozmozhno, v blizhayshe 10 let Kitay zavoyuet Mongoliyu [Perhaps in the next 10 years, China will conquer Mongolia]. *Ardchilal*. 17.
3. Official website of the Government of Mongolia. (n.d.) *Concept of foreign policy of Mongolia*. [Online] Available from: <http://www.pmis.gov.mn>. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
4. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (n.d.) *National security concept of Mongolia*. [Online] Available from: <http://www.mfat.gov.mn>. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
5. Olzvoy, Kh.Zh. (2002) Visit of J. Baker and the question of the “third neighbor”. *Olon ulsyn khariltsaa*. 1. pp. 166–168. (In Mongolian).
6. Ulambayar, D. (2015) Mongolia’s “Third Neighbor” Policy: Nature and Purpose. *World Affairs (Ulaanbaatar)*. 2 (31). pp. 47–55.
7. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (n.d.) *National security concept of Mongolia*. [Online] Available from: <http://www.mfat.gov.mn>. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
8. Official website of the Government of Mongolia. (n.d.) *Foreign Policy Concept of Mongolia*. [Online] Available from: <http://www.pmis.gov.mn>. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
9. Namjim, T. (2000) The Economy of Mongolia: From Traditional Times to the Present. In: Rozycki, W. (ed.) *Occasional Papers of the Mongolia Society*. Bloomington: The Mongolia Society, Inc.
10. Steiner-Khamsi, Z. & Stolpe, I. (2004) Decentralization and recentralization in Mongolia: tracing the swing of pendulum. *Comparative Education*. 40 (1). pp. 29–53.
11. Dagbaev, E.D. (2011) *Institutsional'nyy dizayn politicheskikh protsessov v rossiyskikh regionakh Vnutrenney Azii i Mongolii* [Institutional design of political processes in the Russian regions of Inner Asia and Mongolia]. Ulan-Ude: Buryat State University.
12. Chuluunbaatar, G. (2009) *Problems of the contemporary socio-political transformation in Mongolia*. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law.
13. Golman, M.I. (2010) *Sovremennaya Mongoliya v otsenkakh zapadnykh avtorov* [Modern Mongolia in the assessments of Western authors]. Moscow: IES RAS.
14. Batbayar, Ts. (2002) Mongolia’s Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges. *RSIM*. 17. pp. 198–204.
15. Rossabi, M. (2005) *Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists*. Los Angeles; London: University of California Press.
16. Boone, P. (1994) Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia. *Journal of Comparative Economics*. 18. pp. 329–356.
17. World Bank. (2002) *Mongolia public expenditure and financial management review. Bridging the public expenditure management gap*. Washington DC.
18. Batbayar, Ts. (1994) Mongolia in 1993: a fragile democracy. *Asian Survey*. 34 (1). pp. 41–45.
19. Ganzorig, O. (2013) Na ob’em inostrannykh investitsiy, krome pravovoy sredy, ogromnoe vliyaniye imeet obshchestvennoe mnenie [The volume of foreign investment, except for the legal environment, has a huge influence of public opinion]. *Mongoliya segodnya*. July 08.
20. News.mn. (2013) *Foreign Minister vows to boost cooperation with Davos summit*. [Online] Available from: <http://www.news.mn/r/165653>. (Accessed: 20.03.2017).
21. *Mongoliya segodnya*. (2014) Ostalos’ menea dvukh let, kogda narod podvedet itogi nashey raboty [There are less than two years left when the people will sum up the results of our work]. *Mongoliya segodnya*. 02 October.

22. Inright.ru. (2011) *SShA i Mongoliya budut sotrudnicat' v sfere ekonomiki i razvitiya demokratii. 17 iyunya 2011 g.* [The United States and Mongolia will cooperate in the field of economy and democracy development. June 17, 2011]. [Online] Available from: http://www.inright.ru/news/economy/20110617/id_7598/. (Accessed: 20.03.2017).
23. Mongolnow.com. (n.d.) *Interv'yu s chrezvychaynym i polnomochnym poslom SShA v Mongolii gospozhoy Payper Enn Uind Kembell* [Interview with the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the United States in Mongolia, Mrs. Piper Ann Wynd Cambell]. [Online] Available from: http://www.mongolnow.com/posol_us.html. (Accessed: 20.03.2017).
24. Mfa.gov.mn. (2014) *Minister L. Purevsuren received the President of the Millennium Challenge Fund.* [Online] Available from: <http://www.mfa.gov.mn/?p=27878>. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
25. Narendra Modi. (2015) Geograficheskoe polozhenie Mongolii ne dolzhno byt' ey pregradoy v svobode vybora partnera [The geographical position of Mongolia should not be a barrier to it in the choice of a partner]. *Mongoliya segodnya*. May 18.
26. Mongolnow.com. (2015) *Sovmestnoe zayavlenie prem'er-ministrov Mongolii i Yaponii* [Joint communiqué of Prime Ministers of Mongolia and Japan]. [Online] Available from: http://news.mongolnow.com/11_02_01.html. (Accessed: 20.03.2017).
27. Batchimeg, M. (2012) Mongolian Economic Background and Political Destiny. In: Knauft, B.M. & Tauper, R. (eds) *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press.
28. Knauft, B.M. (2012) Mongolians before, during, and after Socialism: Analytic Overview and Policy Implications. In: Knauft, B.M. & Tauper, R. (eds) *Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion*. Ulaanbaatar: Admon Press.
29. Soni, S. (2013) Evaluating Mongolia's Experience of Democratization: The Post Soviet Scenario. *The Mongolian Journal of International Affairs*. 18. pp. 30–46.
30. Fish, S. (2001) The Inner Asian Anomaly: Mongolia's Democratization in Comparative Perspective. *Communist and Post-Communist Studies*. 34. 3 (September). pp. 323–338.
31. Oka Hiroki. (2015) *Novyy vzglyad na znachimost' Mongolii v strategii Yaponii* [A new look at the importance of Mongolia in the strategy of Japan]. [Online] Available from: <http://asiarussia.ru/articles/8344/>. (Accessed: 20.03.2017).
32. Tkacik, J.J. (2005) *Mongolia's Democratic Identity*. 21 June. [Online] Available from: www.heritage.org. (Accessed: 20.03.2017).
33. Itoim.mn. (2015) *Jamie Metzl: It will be worse for Mongolia if it doubts democracy.* [Online] Available from: <http://www.itoim.mn/index.php/site/news/629>. (Accessed: 20.03.2017). (In Mongolian).
34. Campbell, P.A.W. (2014) Politika "prioritetnogo" i "tret'ego soseda" – priznak zdorov'ya [The policy of "priority" and "third neighbor" – a sign of health]. *Mongoliya segodnya*. 01 September.
35. Campi, A. (2014) Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit. *The Asia-Pacific Journal*. 12:44, 1. November 10. [Online] Available from: <http://apjif.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html>. (Accessed: 20.03.2017).

Received: 04 May 2017